УДК 316.61

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ: ДОРОГА ДЛИНОЮ В ОДИНОЧЕСТВО

Берзин Борис Юрьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления – филиал,
профессор кафедры теории и социологии управления,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: boris.berzin@uapa.ru

Хазова Наталья Борисовна,
Уральский федеральный университет,
Институт социальных и политических наук,
доцент кафедры педагогики и социологии воспитания,
кандидат социологических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: natalyhazova@yandex.ru

Аннотация
Рассматривается пространственная изоляция как фактор, способствующий возникновению чувства одиночества, как регулятор интенсивности коммуникаций и взаимодействия между индивидами. Предлагается классификация видов пространственной изоляции, в том числе: по типу домохозяйств, правовому статусу мигрантов, семейному положению, формам лишения и ограничения свободы.

Ключевые понятия:
пространственная изоляция, одиночество, домохозяйства, мигранты, матери-одиночки, осужденные.

Изоляция (от франц. isolation – отделение, разобщение) – термин, обычно используемый в концепции микроэволюции для обозначения внутривидовых процессов, а также в географии – территориально-механическая изоляция, к которой относятся препятствия (горы, долины, реки, моря и т.п.) между разными частями населения или различными популяциями. Изоляция может привести к появлению новых свойств или характеристик [2, с. 93]. Понятие «изоляция» также используется в психологии. Так, например, Р. Вейс, анализируя сущность одиночества, выделяет одиночество двух типов: эмоциональную и социальную изоляцию. Эмоциональная изоляция характеризуется отсутствием тесной эмоциональной привязанности, а социальная – отсутствием привлекающих социальных связей [10, p. 18–19].

Ирвин Ялом предлагает рассматривать три различных типа изоляции: межличностную, внутриличностную и экзистенциальную. Первая рассматривается как изоляция от других индивидов, обычно переживается как одиночество и является предметом психопатологии. Внутриличностная изоляция – отделение человеком каких-то частей самого себя – это, как подчеркивал И. Ялом, парадигма современной психологии. Экзистенциальная изоляция – это отделенность между индивидом и миром. Она может быть и при сохранении общения между людьми, и при полной внутренней интеграции личности [9, с. 398–400]. Скорее всего, анализ этого вида изоляции – удел философии.

Отождествление изоляции с одиночеством не является общепринятой точкой зрения, хотя и достаточно объяснимо. Факт разрыва отношений между двумя индивидами может рассматриваться как их изоляция друг от друга.

Употребление термина «пространственная изоляция» в социологии и в психологии мы связываем, прежде всего, со стремлением подчеркнуть именно пространственный аспект разделения индивидов, внешнюю форму возможностей (или их отсутствие) для общения.

Пространственная изоляция носит «вынужденный» характер – это отстранение от межличностной интеракции, вызванное либо действиями одного из партнеров по общению, либо действиями внешних сил – от природных явлений до инициированных властью санкций.

В основу данной позиции легло утверждение Уильяма А. Садлера и Томаса

Б. Джонсона о том, что «одиночество не может быть приравнено к физическому состоянию изолированности человека» [8, с. 24]. В качестве аргументов приводятся факты, свидетельствующие о том, что изоляция является внешним, объективным, отчасти контролируемым и наблюдаемым состоянием, а одиночество – «это субъективное внутреннее переживание» [5, с. 24].

Наиболее тесно, на наш взгляд, одиночество, как социологическое понятие, связано с категорией «отчуждение» [4, с. 40]. Это отделение человека от самого себя и от других людей в результате воздействия общественных (социальных) сил, когда личность не способна стать (быть) хозяином самой себя, своих отношений с другими людьми.

Отчуждение выступает деструктивной силой: человек становится «вещью», «предметом» в руках общества, социальных групп, исчезает его субъектность. Еще Гегель в «Феноменологии духа» подчеркивал, что на каждом историческом этапе отчуждение имеет свои особенности, и в условиях современного общества индивид выступает как обособленное от других людей существо, как «одинокая самость» [1, с. 259].

Весьма интересный анализ одиночества через категорию «отчуждение» проведен С.Г. Корчагиной в монографии «Генезис, виды и проявления одиночества». Определяя одиночество как «психическое состояние, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми» [5, с. 14], автор выделяет несколько видов одиночества: 1) отчуждающее одиночество (индивид осознает свое состояние и часто понимает, чем оно обусловлено); 2) самоотчуждающее (потеря собственного «я», обезличенность общения, отчуждение от себя самого); 3) уединенность. Первые два вида являются пограничными состояниями и могут переходить в клиническую форму [5, с. 50–51].

Соглашаясь, в основном, с предложенным С.Г. Корчагиной пониманием одиночества как процесса, как движения маятника по континууму от нормы до патологии, от идентификации до обособления, представляется, что в терминах социологии было бы точнее обозначить этот континуум как пространство между коллективизмом и индивидуализмом, между различными системами ценностей.

Причем в различные возрастные периоды жизни индивида их роль и значение могут меняться. Равновесное состояние устанавливается крайне редко. Чаще всего одна из ценностей, коллективизм или индивидуализм, доминирует, а затем уступает свое место другой ценности [3, с. 15].

Именно крайние формы развития коллективизма и индивидуализма приводят к возникновению такого социального феномена, как одиночество. В 1950 году была опубликована книга «Одинокая толпа». Один из ее авторов, Дэвид Рисмен, для обоснования своей социологической концепции одиночества использовал демографический подход: он связал особенности формирования характера индивида с определенными изменениями в населении [7, с. 123]. Д. Рисмен выделил три типа людей:

а) ориентированных «на традицию» – в странах с высоким потенциальным приростом населения;

б) ориентированных «на себя» (появление контроля над собственной жизнью, интернализированная система целей и ценностей) – появляется в странах с переходным ростом населения;

в) ориентированных «на других» (особая восприимчивость к мнению и оценкам других, их ожиданиям и предложениям) – этот тип присущ, преимущественно, странам со спадом прироста населения [7, с. 124–128].

Именно среди лиц, ориентированных на других, по его мнению, чаще всего и появляется такое психическое состояние, как одиночество. Ориентация «на других» предполагает потребность в получении эмоционального отклика на свои действия, поведение, на межличностную коммуникацию.

Нетрудно заметить, что предложенную Д. Рисменом классификацию достаточно просто идентифицировать с индивидуалистическим и коллективистским типом общества, с коллективизмом (ориентация на традицию) и индивидуализмом (ориентация на себя).

Третья разновидность – «ориентация на других» – является как раз промежуточным типом, выражающим крайне нестабильное состояние, зависящее от множества неопределенных факторов (мнений, оценок, настроений и чувств других людей, представляющих референтные для индивида группы).

Если при ориентации на традицию ответственность может перекладываться на общество и индивидуальное «Я» присоединяется к коллективному «Мы», а при ориентации на себя главной становится ответ-

ственность перед собой, ответственность за себя, то при ориентации на других такой надежной опоры нет. Личность, не будучи самодостаточной, может испытывать неуверенность, страх перед настоящим и будущим, другие отрицательные эмоции.

Опираясь на определенное противопоставление изоляции и одиночества, можно утверждать, что изоляция, а точнее пространственная изоляция – это вызванная внешними объективными и внутренними субъективными факторами «дистанция», расстояние между индивидами, находящимися (находившимися) во взаимодействии и взаимосвязи, которые вызывают (вызывали) эмоциональное удовлетворение. Исчезновение этого позитивного переживания ощущается (или может ощущаться) как состояние одиночества. Именно наличие альтернатив и не дает возможности однозначно расценивать пространственную изоляцию как одиночество. Это скорее некая форма, которая может быть либо заполнена, либо нет позитивными или негативными эмоциями.

Известно, что переживание одиночества характерно при разрыве (утере) определенных эмоциональных связей с близкими людьми (нарушение межличностного общения), с привычной социальной (культурной, конфессиональной, этнической и профессиональной) средой. Причин для этого в жизни каждого человека вполне достаточно, но, тем не менее, мы попытались выделить несколько «групп риска», которые по объективным характеристикам в большей степени могут способствовать возникновению пространственной изоляции как предпосылки возникновения чувства одиночества.

Исходя из признания пространственной изоляции как внешнего объективного фактора, способного вызвать переживание одиночества предлагается эмпирическая классификация видов пространственной изоляции.

1. По типу домохозяйств:

а) домохозяйства, состоящие из 1 человека;

б) домохозяйства, состоящие из матери с детьми, и домохозяйства, состоящие из отца с детьми;

в) коллективные домохозяйства, стационарные учреждения социального обслуживания, больницы для лиц, страдающих хроническими заболеваниями, детские дома, школы-интернаты и т. д.

2. По семейному положению:

а) холост (не замужем);

б) женат (замужем);

в) разведен;

г) вдовец (вдова).

3. По правовому статусу мигрантов:

а) постоянные поселенцы;

б) зарегистрированные трудовые мигранты;

в) нелегальные мигранты;

г) ищущие убежища;

д) признанные беженцами;

е) беженцы де-факто.

Кроме того, следует особо выделить группу «маятниковые мигранты».

4. По формам и срокам лишения и ограничения свободы в связи с нарушением закона:

а) осужденные первый раз, вторично, в третий и более раз;

б) по срокам исполнения наказания;

в) по состоянию на учете в инспекциях.

Попытаемся в соответствии с предложенной классификацией проанализировать число жителей и мигрантов в России, которые объективно оказываются в ситуации, которая может закончиться переживанием одиночества.

По первому критерию (домохозяйства) выявлено следующее. Проведенные в Российской Федерации переписи населения (2002 г. и 2010 г.) показали рост количества частных домохозяйств с одним проживающим человеком. Так, например, в 2002 году их насчитывалось 11,7 млн; в 2010 г. домохозяйства с одиноко проживающими гражданами уже составили величину в 14,02 млн (25,69% всех домохозяйств). Это 10% населения страны, основная часть – 10,8 млн домохозяйств – находится в городах.

Кроме того, добавим к ним более 58 тыс. бездомных, проживающих в одиночестве.

Увеличилось количество домохозяйств с проживающим 1 человеком и в Уральском федеральном округе (на 8,1%), и в Свердловской области (на 8,8%)[1].

Наибольшее количество домохозяйств с 1 человеком зафиксировано в г. Санкт-Петербурге (29,31%) и Северо-Западном федеральном округе (28,77%). В два раза

[1]Число и состав домохозяйств // Каталог официальных публикаций Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18 (дата обращения: 08.01.2015); Число и размер частных домохозяйств по субъектам Российской Федерации // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015).

меньше таких домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (14,72%).

Среди субъектов РФ наименьшее число «одиноких» домохозяйств в Ингушетии (2,59%), Чечне (7,83%), Дагестане (8,63%), Кабардино-Балкарии (14,2%).

Противоположная картина сложилась на северо-востоке и в центре страны – Чукотка (34,8%)., Магаданская область (33,74%), Ивановская область (30,94%), Псковская область (30,84%), причем на селе эта цифра составляет 36,15%), Тверская область (30,71%). Близки к этим показателям Тульская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Смоленская, Рязанская и Новгородская области.

Региональные различия в количестве «одиноких» домохозяйств весьма заметны. Причины, факторы различения требуют дальнейшего анализа. Вероятно, свою роль играют культурные, конфессиональные и этнические различия, особенности исторического развития регионов.

В качестве одного из факторов мы попытались рассмотреть такой социально-демографический признак, как возраст людей, которые и составляют домохозяйства с одним человеком.

Для примера возьмем группу регионов с наибольшим числом «одиноких» домохозяйств и группу с наименьшим. Как гипотезу рассмотрим предположение о том, что основная часть домохозяйств с 1 человеком – это лица старших возрастных групп (55 лет – 64 года; старше 65 лет).

В центральных областях заметен значительный удельный вес возрастных групп старше 55 лет (это характерно для всех регионов России, кроме Северного Кавказа).

Так, например, Ивановская область – в группе 55–64 года 19% домохозяйств с 1 человеком, старше 65 лет – 38,5%; Тверская область – соответственно 18% и 38,1%; Псковская – 19,5 и 37,9%. Но есть и отклонения от этой тенденции.

Наименьшее количество домохозяйств с одним человеком было зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе. В округ входят 7 субъектов: 6 национальных республик и Ставропольский край.

Анализ статистических данных показал, что наша гипотеза полностью подтверждается только в одном субъекте – Ставрополье. Во всех национальных республиках (за исключением Ингушетии, где практически нет различий) выделяется лишь одна возрастная группа – старше 65 лет, где количество «одиночных» домохозяйств составляет в среднем 10–15%. В Ставропольском крае таких групп две. В возрастной группе 55 лет – 64 года – 12%, в группе старше 65 лет – 24,4% .

Другой особенностью является отличие северо-восточных территорий РФ от центральных областей России. И на Чукотке, и в Магадане, в отличие от других субъектов, высок процент «одиноких» домохозяйств в разных возрастных группах.

Так, например, в Чукотском автономном округе: в группе 18–24 года – 10,8%, 24–34 года – 12,6% , 35–44 года – 13,6% , 45–54 года – 18,5% , 55–64 года – 25,9%, старше 65 лет – 43,7%.

В коллективных домохозяйствах в Российской Федерации (по переписи 2002 года) проживало более 2,3 млн человек (в 2010 – 1,8 млн чел.), в том числе в стационарных учреждениях социального обслуживания – 236 тыс. чел., в больницах для лиц, страдающих хроническими заболеваниями, – 86 тыс. чел., в детских домах, домах ребенка, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – 209 тыс. чел. Речь идет о лицах, которые либо лишены семьи, либо изолированы от нее на длительный срок.

Помимо одиноко проживающих людей, о которых можно сказать, что жизненные обстоятельства затрудняют, создают дефицит межличностного общения, другую группу домохозяйств составляют матери-одиночки, проживающие с детьми (9,8 млн домохозяйств), а также отцы, воспитывающие самостоятельно своих детей в возрасте до 18 лет (1,3 млн домохозяйств). В этом случае спектр переживаемых ребенком чувств из-за отсутствия одного из родителей может спровоцировать одиночество, горечь и стыд (значит, меня не любили, значит, я плохой). Подобные чувства могут быть присущи матери (отцу) одиночке.

Если рассматривать эти категории людей, то разведенных и разошедшихся мужчин в стране насчитывается (перепись 2010 г.) более 4 млн человек, женщин – 5,4 млн Чувство утраты супруга (супруги) испытывают около 2 млн мужчин (1,97 млн вдовцов) и почти 12 млн женщин (11,8 млн вдов).

Большую группу людей, находящихся в пространственной изоляции от привычной культурной и этноконфессиональной среды, составляют мигранты. В 2014 году на территорию России въехало более 17 млн человек (по сравнению с 2012 г. прирост 9% – расчет авторов). Из них 435,8 тыс. чел. получили разрешение на временное

прибывание (без учета жителей Донецкой и Луганской областей и других регионов Украины). Сто пятьдесят семь тысяч человек получили гражданство.

Основная причина приезда (на 04 марта 2015 года)[2]:

– работа по контракту – 34,1%;

– личные дела, частная жизнь – 42,0%;

– туризм – 10,5%.

Следует отметить, что значительная часть этих людей изолирована от своей культуры, привычного образа жизни и может испытывать негативные чувства (от одиночества до приступов агрессии).

Из 11 млн приезжих пребывают на территории России: более года – 34,2%, 6–12 месяцев – 28,3%, 3–5 мес. – 14 %. Все они находятся в определенных дискомфортных условиях, многие проходят период адаптации к непривычному климату (в нашей стране пребывают представители более двухсот государств и территорий мира).

Отдельная тема – пребывание на территории РФ жителей Украины.

По данным Федеральной миграционной службы РФ (на 18.03.2015 г.), с первого апреля 2014 года въехало и не убыло 947 тыс. граждан Украины. Часть из них попросили временного убежища, часть – приняли гражданство России, часть надеется на позитивные изменения на родной земле[3].

Все это требует особого внимания и отдельного подхода.

Особый предмет исследования – так называемые «маятниковые» мигранты. В отличие от долгосрочной и ситуативной изоляции, это отъединение кратковременное и быстропреходящее, но и оно имеет свои негативные последствия.

Последняя группа «риска», которая была исследована, – это лица, находящиеся в местах заключения и на специальном учете. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, 673,8 тыс. человек в марте 2015 года содержались в исправительных колониях, следственных изоляторах и других учреждениях, из них 245,5 тыс. были осуждены в первый раз[4]

Надо подчеркнуть, что сроки изоляции осужденных весьма различны. Наиболее многочисленна группа лиц, получивших за содеянное от 5 до 10 лет – 37,6%, затем осужденные на 3–5 лет – 22,5%, на 10 и более 15 лет – 17%. Данные группы людей, находящихся в изоляции длительное время, требуют особой системы ресоциализации. В этот период происходят негативные явления в психике личности, разрыв, утрата социальных связей, отставание от тех жизненных процессов, в которые включена личность в обычной повседневной деятельности. Меняется социальный статус личности, снижается её общественная активность, и её возможности деформируются.

Один из ведущих специалистов в области пенитенциарной психологии В.Ф. Пирожков считает, что изоляция приводит к ограничению прав личности, формирует новые нормы и ценности поведения, накладывает стигматизирующий отпечаток на поведение личности, вызывает ощущение социальной неполноценности. Кроме того, возникают новые интересы, социальные установки, формируются традиции, ценности и нормы поведения [6, с. 361–362]. Все это потом требует разрушения, а затем формирования новой системы норм и ценностей.

Ресоциализация нужна не только бывшим осужденным, но и бездомным, лицам, потерявшим близких и родных, матерям-одиночкам (отцам, воспитывающим детей) и т.д. Особое значение приобретает работа с различными категориями мигрантов.

Все это, на наш взгляд, требует реформирования существующей в России системы социальной работы, усиления в ней психолого-педагогической направленности.

1. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. Система наук. Часть 1: Феноменология духа [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. М.: Соцэкгиз, 1959. 488 с.

2. Гентнер, В.Г. Изоляция [Текст] / В.Г. Гентнер, Н.В. Тимофеев-Ресовский // Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. Т. 10. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972. С. 93–94.

3. Грибакин, А.В. Апология индивидуализма [Текст] / А.В. Грибакин // Человек: индивид и индивидуальность. Екатеринбург: изд-во УрГЮА, 1995. С. 7–20.

4. Корнющенко-Ермолаева, Н.С. Одиночество и формы отчуждения человека в современном

[2]Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации // Официальные статистические данные ФМС России [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/ (дата обращения 20.03.2015 г.).

[3]Там же.

[4]Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний России [Электронный ресурс]. URL: http://фсин.рф/statistics/ (дата обращения 20.03.2015 г.).

мире [Текст] / Н.С. Корнющенко-Ермолаева // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 40–43.

5. Корчагина, С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества. [Текст] / С.Г. Корчагина. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 196 с.

6. Пирожков, В.Ф. Криминальная психология [Текст] / В.Ф. Пирожков. М.: «Ось-89», 2012. 704 с.

7. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общества [Текст] / Д. Рисмен // Социс. 1993. № 3. С. 121–129.

8. Садлер, Уильям Л. От одиночества к аномии [Текст] / Уильям Л. Садлер, Томас Б. Джонсон // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21–51.

9. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия [Текст] / И. Ялом / пер. с англ. Т.С. Драпкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2005. 576 с.

10. Weiss, R.S. (Ed.) Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation [Text]. Cambridge: MIT Press, 1973. 384 с.

References

1. Gegel' G.V.F (1959). Sochinenija. Tom IV. Sistema nauk (The system of sciences). Chast' 1: Fenomenologija duha. Moscow, Socjekgiz, 488 p. [in Rus].

2. Gentner V.G., Timofeev-Resovskij N.V. (1972) Izoljacija (Isolation**).** // Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija. 3 izd. T. 10. Moscow, Izdatel'stvo «Sovetskaja jenciklopedija», pp. 93–94 [in Rus].

3. Gribakin A.V. (1995) Apologija individualizma (Apology individualism) Chelovek: individ i individual'nost'. Ekaterinburg, izd-vo UrGJuA, pp. 7–20 [in Rus].

4. Kornjushhenko-Ermolaeva N.S. (2010) Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 332, pp. 40–43 [in Rus].

5. Korchagina S.G. (2005) Genezis, vidy i projavlenija odinochestva (Genesis, types and manifestations of loneliness). Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute, 196 p. [in Rus].

6. Pirozhkov V.F. (2012) Kriminal'naja psihologija. (Criminal psychology). Moscow, «Os'–89», 704 p. [in Rus].

7. Rismen D. (1993) Socis, no. 3, pp. 121–129 [in Rus].

8. Sadler Uil'jam L., Dzhonson Tomas B. (1989) Ot odinochestva k anomii (From loneliness to anomie). Labirinty odinochestva. Moscow, Progress, pp. 21–51 [in Rus].

9. Yalom I. (2005) Jekzistencial'naja psihoterapija (Existential psychotherapy). Per. s angl. Drapkinoj T.S. Moscow, Nezavisimaja firma «Klass», 576 p. [in Rus].

10. Weiss R.S. (Ed.) (1973) Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation. Cambridge: MIT Press, 384 p. [in Eng].

UDC 316.61

DISTANCE SEPARATION: A SOLITUDE–LENGTH WAY

Berzin Boris Yuryevich,
Russian Presidential Academyof National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration – branch, Professor of the Department Chair of Theory and Sociology of Administration, Doctor of Philosophy, Professor
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: boris.berzin@uapa.ru

Khazova Natalya Borisovna,
Ural Federal University, Institute of Social and Political Sciences, Associate Professor of the Department Chair of Pedagogics and Sociology of Education,
Cand. Sc. (Sociology),
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: natalyhazova@yandex.ru

Annotation
The authors consider distance separation as a factor contributing to the rise of the sense of isolation, as a regulator of communicative intensity and interpersonal relations.
The authors suggest classifying distance separation according to different principles: according to the type of household, according to the legal status of migrants, marital status, forms of deprivation of liberty.

Key concepts:
distance separation,
solitude,
households,
migrants,
single mother,
convicts.